

На вершине мастерства

Сегодня — юбилей Эльфриды Пакуль. Если бы нас спросили — кто она? — мы ответили бы: часть самобытного латышского исполнительского искусства. Ее талант ярок и неповторим, исполнение — высоко профессионально. И в Москве, и в Ленинграде имя Эльфриды Пакуль называют рядом с ее современниками — знаменитыми советскими певицами Д. Паптофель-Нечецкой и Н. Казанцевой, с которыми она стоит вровень по мастерству, хотя творчество каждой из них неповторимо.

Колоратурное сопрано — редко встречающийся голос, и потому его сразу же замечают, с удовольствием слушают. Этот голос ближе всего граничит с инструментальной музыкой, а по эластичности и виртуозности даже соперничает с инструментом. Недаром композиторы часто пишут сочинения для колоратурного сопрано в сопровождении солирующей флейты или другого инструмента высокого тембра. Но очень ошибается тот, кто думает, что раз природа одарила его высоким голосом, он может соперничать с флейтой. Тренировки, упражнения из года в год, сомнения, а порою разочарование, даже отчаяние — путь в искусство не усыпан розами. Но легкость, солнечность, волшебство этого голоса пленительны, он обладает неотразимым обаянием, и любовь публики вознаграждает певицу за все труды. Если бы Эльфриде Пакуль было сегодня восемнадцать и, как в то время, профессор Паул Сакс спросил бы ее: «Хватит ли у вас терпения и выдержки?», она, наверное, снова бы ответила — да! Даже если бы знала, что впереди восемь, даже десять лет суровой, аскетически самоотверженной учебы. У кого есть призвание, тот отдаст все, чтобы попасть на сцену. И даже когда публика аплодирует, певица не должна успокаиваться. Эльфриде Пакуль на первом концерте осенью 1938 года в Доме череполовых зал устроил овацию. Не только публика была в восторге, но и критика. И все же были и замечания, и дельные указания. И снова, прислушиваясь к себе, она шлифует каждый пассаж, огорчается, ищет... И постепенно вся жизнь превращается в служение своему голосу — не простудиться бы, дать отдых, чтобы не утратить легкость звучания... И нет больше дня, который ты могла бы провести, не соблюдая режима. У артиста не бывает выходных

дней, если он настоящий артист.

Эльфриду Пакуль вывел на оперную сцену дирижер Лео Блех, который в конце 30-х годов работал в Риге и поставил здесь моцартову «Волшебную флейту». Труднейшую из трудных партий для колоратурного сопрано — Королеву Ночи — пела Эльфрида Пакуль. Это было восхождением к вершинам мастерства. Из Риги радиоволны донесли голос Эльфриды Пакуль — Королевы Ночи до московских слушателей. И для нее было большим сюрпризом, когда после тяжелого первого года Великой Отечественной войны Королева Ночи, словно волшебным ключом, открыла перед нею двери на московское радио, на оперную сцену и в большие концертные залы, вела в среду признанных артистов столицы Страны Советов, которые, как равную, приняли ее в свою семью. То были годы успеха, то были годы трудностей, когда люди не всегда ели досыта, страдали от холода. Но все невзгоды помогали ей пережить горячий самовар в семье профессора Назария Райского и обильная духовная пища, которую она здесь получала, проникая в тайны романсов Чайковского и Рахманинова, открывая для себя новый мир в области камерного пения.

Она была далеко от дома, от привычного и неожиданно утраченного семейного очага. В душевности москвичей, в многочисленных письмах, которые приходили от московской молодежи, с фронта от солдат с благодарностью за арии и песни, исполненные по радио, она черпала силы, жизнерадостность и стойкость.

Так же как Королева Ночи в суровые годы войны открыла ей двери на московскую сцену, так и популярность среди миллионов советских людей открыла перед ней бесчисленные концертные залы во всех союзных республиках в послевоенные годы, не говоря о Москве и Ленинграде, где ее концерты по-прежнему были для слушателей праздником.

На гастролях Эльфрида Пакуль не знала, что значит полупустой зал на концерте. А в Риге в это же время один за другим рождались созданные ею образы из опер. Всего их одиннадцать. По количеству может быть, и не так много, но не за количеством в искусстве последнее слово. Благодаря музыкальности, необычайной искренности и тщательной

шлифовке эти образы сохраняются в истории нашего театра как ярчайшие творческие достижения латышского оперного искусства. Виолетта в «Травиате», Маргарита в «Фаусте», Джильда в «Риголетто», Лакме в одноименной опере, Марфа в «Царской невесте» — вот наиболее близкие актрисе, прочувствованные ею характеры, по сути своей трагические, заключающие в себе огромную силу чувства и требующие потому глубокого раскрытия.

Эмоциональное переживание составляет самую суть искусства Эльфриды Пакуль. Ни одной фразы, даже ноты она не может пропеть, не раскрывая ее эмоционального смысла. Вот почему всегда так мучителен для актрисы рабочий процесс, вот почему он идет так медленно, вызывает недовольство собой. Но слушатель никогда этого не ощущает. Всю тяжесть труда артистка

принимает на себя, а на сцену выносит с улыбкой арию, песню и как бы играючи вьет перед слушателями золотистотеплую нить мелодии. Виртуозность ее колоратур в латышском искусстве — явление неповторимое и до сего дня непревзойденное.

Сейчас главную часть репертуара певицы составляет лирика, которую она так щедро дарит слушателям. Многие, многие годы творческой жизни Эльфриды Пакуль прошли у них на глазах, а ее теплый бархатный голос по-прежнему звучит прозрачно и чисто, с удивительной музыкальностью. И хочется только пожелать — пусть он звучит еще долго, долго...

Вия Бриде-Булавинова

На снимке: народная артистка Латвийской ССР Эльфрида Пакуль.

Фото И. Пределса

